

Хотя он не смог убедить этих хитрых людей, Хэм не рассердился, потому что знал, что они уже были тронуты его словами. Они были слишком напуганы, чтобы высказывать свое мнение.

Он тоже не был революционером, он вступил в Революционную партию только ради своих интересов, и он был бы идиотом, чтобы восстать, если бы он смог достичь своей цели мирными средствами.

Что он мог бы получить даже после успешного восстания, учитывая, что полем битвы был весь Европейский континент?

Рождаются ли сильные и благородные люди со своим положением?

Ответ: да!

Если восстание увенчается успехом, в лучшем случае он станет президентом буржуазной республики, что не обязательно лучше, чем его нынешнее положение.

С другой стороны, в случае неудачи, вероятно, лучшим исходом для него была бы ссылка за границу.

Перед лицом суровой реальности немотивированный революционный энтузиазм Хэма еще больше утих.

Для подавляющего большинства капиталистов поддержка Революционной партии была одним делом; однако самим руководить революцией было другим делом, поскольку они не хотели быть ответственными.

...

Банкет было трудно сохранить в секрете, поэтому то, что произошло в поместье Верис на окраине Вены, быстро перешло к Меттерниху. В эту версию истории, конечно, не вошла более поздняя тайная встреча.

Однако премьер-министр Меттерних, человек правил, который следил за политической борьбой, никоим образом не мог арестовать капиталистов, участвовавших в банкете, по обвинению в сговоре с Революционной партией.

Его раздражало именно то, что он следовал правилам.

Он был разочарован, потому что мог только пассивно защищаться, даже зная, что капиталисты планируют заговор.

«Окруженный врагами изнутри и извне» было бы подходящим описанием его положения: дворяне, планирующие что-то против него, капиталисты, жадно вззирающие на него, все с общей целью избавиться от него.

Зимой 1847 года у публики в Вене было интуитивное ощущение, что цены на товары выросли, и на самом деле они резко выросли со скоростью, которая была видна даже невооруженным глазом.

К концу декабря 1847 года товарные цены в Вене выросли на 47 процентов, и капиталисты мало-помалу пытались проверить пределы терпимости публики.

Все обратили свои взоры на правительство Вены, ожидая, что они найдут решение.

Очевидно, они были разочарованы, поскольку правительство Вены не имело ни возможностей, ни полномочий вмешиваться в цены на товары.

Очень мало эффекта произвели многочисленные меры, предпринятые премьер-министром Меттернихом.

Например, правительство опубликовало публичное объявление, в котором бизнесменам было приказано прекратить повышать цены на товары, о которых ничего не поступало.

И ничего не изменилось после нескольких встреч премьер-министра с капиталистами.

К сожалению, правительству также не удалось стабилизировать цены на товары, срочно перебросив поставки извне на венский рынок. Их заблокировали капиталисты и коррумпированная знать.

Конечно, это было не совсем неэффективно: по крайней мере, сдерживалась скорость роста цен, и цены не сразу поднимались на пик.

После последней неудачи капиталисты не очень доверяли друг другу, и перед лицом прибыли многие мелкие капиталисты не могли дожидаться самых высоких цен.

Поскольку эгоизм - это природа людей, Франц очень хорошо знал, что за резким ростом цен в Вене было участие знати, хотя они были мотивированы только прибылью и не были вовлечены в совместные действия капиталистов.

Изначально эти люди, возможно, просто хотели воспользоваться возможностью заработать состояние, но позже, ослепленные богатством, они оказались в трясине желаний.

Однако им повезло настолько, что они оказались втянутыми в европейский экономический кризис.

С 1845 года Европа страдала от плохих урожаев продовольствия, и мировые цены на продукты питания взлетели до небес. По мере роста цен на продукты питания покупательная способность Европы постоянно снижалась.

В 1846 году цены на хлопок и текстильные изделия из хлопка в Соединенных Штатах почти удвоились, а высокие цены привели к снижению продаж текстильных изделий из хлопка.

При таком сокращении объемов торговли товарами капиталистам не оставалось ничего другого, кроме как сократить рабочие места: безработица в Британии продолжала расти, объемы железнодорожных грузоперевозок достигли нового минимума, многие железнодорожные компании оказались в состоянии убытков, а британский железнодорожный пузырь лопнул осенью 1847 года.

Небольшое изменение в одной части могло бы повлиять на ситуацию в Европе в целом: когда железнодорожный пузырь лопнул, строящиеся железные дороги были остановлены, а спрос на сталь упал.

Кризис быстро затронул сталелитейную и угольную промышленность, и 58 из 137 сталеплавильных печей в Стаффордшире были закрыты.

Производство чугуна упало на треть за полтора месяца, а добыча угля упала почти на двадцать процентов.

В ноябре 1847 года 200 из 920 хлопчатобумажных текстильных фабрик в Ланкашире, одном из центров текстильной промышленности Великобритании, были полностью закрыты, а остальные работали только два-четыре дня в неделю.

Более 70 процентов рабочих пострадали от безработицы или полубезработицы.

Промышленный кризис, разразившийся в Великобритании, не привлек внимания австрийских капиталистов, потому что ни британский экономический кризис 1825 года, ни кризис 1837 года не затронули Австрию.

У Австрии как непромышленно развитой страны не было даже основ для промышленного кризиса; даже если бы это было так, вероятность экономического кризиса была бы бесконечно низкой.

Многие люди забыли, что Австрия больше не была главной державой, которой она была, и, как неиндустриальная страна, она не могла оставаться в одиночестве в условиях экономического кризиса.

Самой первой страной, которая пострадала, была Франция: после того, как разразился британский экономический кризис, чтобы преодолеть кризис, британские капиталисты начали сбрасывать материалы за границу, и незащищенные французы стали первой волной жертв.

К 1848 году общее промышленное производство Франции упало на 50 процентов.

Германия не была исключением: поскольку ее промышленная мощь была слабой, последствия были еще более серьезными.

Зимой 1847 года из 8000 ткацких станков в Клефельде было остановлено 3000; в первой половине 1848 г. работали только 3 из 14 фабрик в Кельне; тем временем промышленность Эрферта была почти полностью уничтожена.

Плакали австрийские капиталисты, плакали и дворяне, которые хотели воспользоваться кризисом. Чтобы обуздать цены на товары, правительство Вены снизило импортные пошлины, и на рынок устремилось большое количество дешевых британских товаров. Это было больше, чем они могли вынести.

Перед лицом демпинга из индустриальной страны любой австрийский капиталист с половинным мозгом предпочел бы немедленно уйти с рынка.

В январе 1848 г. упали цены на все промышленные и торговые продукты, кроме продуктов питания. Каждый был настолько занят своим делом, что у него не было времени заботиться о других.

Некоторые капиталисты, опережая время, с трудом могли остановить убытки, а те, кто двигался медленно, были немедленно заблокированы.

Из-за избытка предложения цены на промышленные и коммерческие продукты на венском рынке упали ниже себестоимости их производства, и капиталисты и дворяне, поднявшие цены, были вынуждены нести свои болезненные потери.

Все знали, что грядет экономический кризис. Чтобы сократить убытки, капиталисты начали увольнения. Многие капиталисты понесли в этом кризисе такие большие потери, что просто закрыли фабрики, таким образом, безработица в Вене резко выросла.

<http://tl.rulate.ru/book/57175/1461171>